

Нет автора

Русская старина

1907. 4_6

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1907. 4_6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 696 с.

ISBN 978-5-458-02882-0

ISBN 978-5-458-02882-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

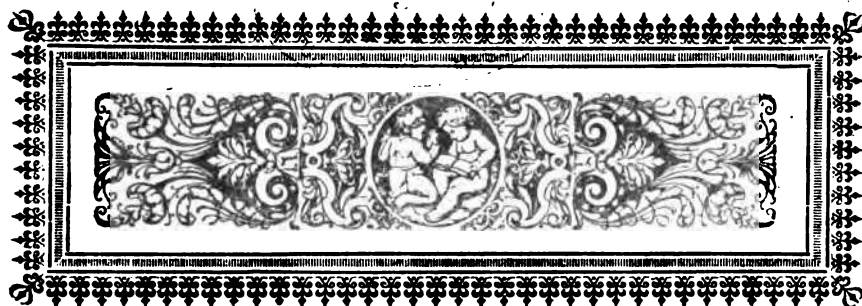
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Бібліографическій листокъ.

Библиотека великихъ писателей, подъ редакціею С. А. Венгерова. Пушкинъ. Томъ I-й, выпускъ 1-й. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб., 1907.

Глубокій и живой общественный интересъ къ Пушкину въ наши тяжелые дни—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій русской дѣйствительности. Имя величайшаго русскаго поэта утвердилось прочно въ родномъ народѣ, который научился любить и цѣнить его. Последніе годы ознаменованы появленіемъ нѣсколькихъ крупныхъ собраній произведеній Пушкина. Книгопродавцы убѣдились, что „на Пушкинѣ не потеряешь“, что эта книга необходима въ каждомъ русскомъ домѣ,— настолько необходима, что истрепанный или утерянный экземпляръ бываеъ нужно немедленно замѣнить новымъ, и изданія сочиненій Пушкина идутъ все глубже и глубже въ народъ. Раскупаются не только дешевыя, перьяшлывыя изданія, на дрянной бумагѣ, но появилась потребность въ болѣе дорогихъ и изящныхъ изданіяхъ любимаго поэта. Въ послѣдніе 3—4 года появились крупныя и недешевыя собранія П. О. Морозова и П. А. Ефремова, медленными шагами подвигается крупнѣйшее академическое изданіе. Нынѣ стала выпускать монументальное собраніе твореній великаго поэта фирма Брокгаузъ-Ефронъ, извѣстная своими прекрасными изданіями перваго полнаго русскаго словаря, Шиллера, Байрона, Шекспира. Собраніе сочиненій Пушкина редактируетъ С. А. Венгеровъ. Начало его работы недавно вышло въ свѣтъ: первый выпускъ, занимающій 10 печатныхъ листовъ и составляющій четвертую часть тома (всѣхъ томовъ будетъ шесть), уже своею внѣшностью производитъ подкупающее впечатлѣніе. Форматъ in-quarto, печать въ два столбца, шрифтъ пушкинскихъ временъ, стильная орнаментовка, состоящая изъ разнообразныхъ виньетокъ, концовокъ и заставокъ, и цѣлый рядъ иллюстрацій, превосходно исполненныхъ, могутъ угодить самому прихотливому вкусу. Это настоящая *édition de luxe*, изъ тѣхъ, къ какимъ еще не пріучили нашу публику экономные русскіе издатели. Между тѣмъ, внѣшняя сторона венгеровскаго изданія, превосходящаго изяществомъ даже выпущенныя той же фирмою собранія иностранныхъ писателей, заслуживаетъ особаго вниманія. Въ разсматриваемомъ выпускѣ—цѣлый рядъ прекрасныхъ иллюстрацій: тутъ и рисунки, и факсимиле самого Пушкина, и каррикатуры, и портреты. Особенно украшаютъ книгу три великолѣпныя литографіи, впервые воспроизводяція въ краскахъ портреты отца, матери и сестры поэта; глядя на нихъ, убѣждаешься, какъ далеко были отъ истины прежнія, перьяшлывыя изображенія. Нужно замѣтить, что портретъ сестры Пушкина, а также ея собственноручный рисунокъ и снимокъ съ той страницы церковной метрической книги, гдѣ записаны рожденіе и крещеніе поэта, появляются вообще въ первый разъ. Историко-генеалогическая статья о родѣ Пушкина украшена заставками въ русскомъ стилѣ; проникнутые вліяніемъ французскихъ эротиковъ стихи украшены подходящими иллюстраціями въ шаловливомъ, легкомъ стилѣ Людовика XVI; вообще, къ достиженію стильности было приложено немало заботы. Кромѣ отличнаго портрета двѣнадцатилѣтняго Пушкина, находимъ изображенія писателей, имена которыхъ выдѣляются въ его творчествѣ, виды мѣстностей и т. д.

Внутренняя сторона изданія еще внушительнѣе внѣшней. Судя по началу дѣла, редактору вполне удастся его намѣреніе дать русской публикѣ не только богатое, но и научное изданіе произведеній нашего національнаго поэта. Планъ изданія задуманъ широко: въ него войдутъ отдѣльные этюды о различныхъ періодахъ жизни Пушкина, біографическіе очерки, посвященные людямъ, съ которыми онъ былъ лично близокъ либо такъ или иначе связанъ

Изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Льва Николаевича Толстого ¹⁾.

Поселясь въ деревнѣ, Левъ Николаевичъ дѣятельно занялся устройствомъ школъ въ Ясной Полянѣ и во всемъ Крапивненскомъ уѣздѣ. Увлечшись вопросомъ о народномъ образованіи, онъ рѣшилъ побывать вторично за границу, этотъ разъ со спеціальной цѣлью познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ Европѣ по этой части, и осмотрѣть учрежденія, имѣвшія цѣлью поднять уровень рабочаго населенія.

Его отъѣздъ ускорила вслѣдствіе болѣзни его старшаго брата, который лечился отъ грудной болѣзни сначала въ Соленѣ, а затѣмъ на югѣ Франціи, гдѣ онъ скончался на рукахъ Льва Николаевича.

20 сентября 1860 г. Толстой писалъ Ергольской: „Дорогая тетюшка, черная печать скажетъ вамъ все. То, что я ожидалъ со дня на день послѣднія двѣ недѣли, случилось вчера вечеромъ въ девять часовъ. Только вчера онъ позволилъ мнѣ помочь ему раздѣться, легъ окончательно въ постель и попросилъ сидѣлку. Онъ былъ до конца въ полномъ сознаніи. За четверть часа до смерти онъ выпилъ молока и сказалъ, что чувствуетъ себя хорошо. Въ самый день смерти онъ шутилъ и интересовался моими педагогическими дѣлами. Только въ самый моментъ кончины онъ прошепталъ нѣсколько разъ: „Боже мой, Боже мой!“ Мнѣ кажется, онъ понималъ свое положеніе и старался обмануть себя и насъ. Маша рассталась съ нимъ за че-

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1907 г.

тыре часа передъ тѣмъ, уѣхала за четыре версты отъ Нугега, гдѣ она живетъ. Она не ожидала, что онъ такъ скоро умретъ. Я закрылъ ему глаза. Теперь я скоро буду съ вами и все расскажу вамъ лично. Я не могу перевести его тѣло. Всѣ хлопоты по похоронамъ взяла на себя княгиня Голицына. До свиданія, дорогая те-тушка, я не могу ничего сказать вамъ въ утѣшеніе. Это воля Божія,— вотъ и все! Пока я не пишу Сережѣ. Онъ вѣроятно на охотѣ; вамъ конечно извѣстно, гдѣ онъ, поэтому напишите ему или перешлите ему это письмо¹⁾.

На другой день послѣ похоронъ Л. Н. писалъ брату Сергѣю Николаевичу:

„Я полагаю, что ты уже получилъ извѣстіе о смерти Николеньки. Я сожалею ради тебя, что ты не былъ при этомъ. Какъ это ни было ужасно, я счастливъ, что все произошло въ моемъ присутствіи и по-дѣйствовало на меня, какъ должно. Это не то, что смерть Мишеньки, о которой я узналъ въ то время, когда я вовсе не думалъ о немъ. Впрочемъ, это совсѣмъ другое дѣло. Съ Мишенькой насъ связывали воспоминанія дѣтства и родственныя чувства—вотъ и все. Онъ же былъ для тебя и для меня человѣкомъ, котораго мы любили и уважали болѣе всего въ мірѣ. Тебѣ извѣстно эгоистическое чувство, которое мы испытывали послѣднее время: „чѣмъ скорѣе кончится, тѣмъ лучше“; а теперь ужасно писать объ этомъ и вспоминать, что мы это думали.

Благодаря присущимъ ему силѣ воли и характера, онъ до послѣд-няго дня дѣлалъ все возможное, чтобы не быть въ тягость. Въ день смерти онъ всталъ и одѣлся самъ; по утру я засталъ его совсѣмъ одѣтымъ въ креслѣ. Только въ девять часовъ, передъ кончиной онъ поддался болѣзни и попросилъ раздѣть его. Первый разъ это случилось въ кабинетѣ уединенія. Спускаясь съ лѣстницы, я услышалъ, что его дверь отворилась. Я вернулся; его нигдѣ не было. Сначала я побоялся вернуться, онъ этого не любилъ, но этотъ разъ онъ самъ сказалъ мнѣ: „помоги мнѣ“. И въ тотъ день онъ былъ совсѣмъ дру-гой: кроткій, добрый, онъ не жаловался, ни о комъ не говорилъ, хвалилъ всѣхъ и говорилъ мнѣ: „спасибо, другъ мой“.

Понималъ ли ты, что это означало при нашихъ отношеніяхъ? Я сказалъ ему, что я слышалъ, какъ онъ кашлялъ по утру, но не вошелъ къ нему изъ ложнаго стыда. „Напрасно, отвѣчалъ онъ, это было бы мнѣ утѣшеніемъ“.

Что касается страданій, -- онъ страдалъ, но онъ сказалъ мнѣ только одинъ разъ, за два дня до смерти, какъ ужасны были его

¹⁾ Оригиналъ письма писанъ по-французски.

безсонныя ночи: „Утромъ меня душить кашель, и это тянется мѣсяцъ! А какіе бывають сны! Одному Богу извѣстно! Еще двѣ такія ночи; это ужасно“!

Онъ ни разу не сказалъ мнѣ совершенно ясно, что онъ чувствовалъ приближеніе смерти. Онъ не только не говорилъ этого, но въ день смерти онъ завазаль себѣ халать; когда я сказалъ ему, что если ему не будетъ лучше, то мы съ Машей не поѣдемъ въ Швейцарію, то онъ сказалъ: „Развѣ ты думаешь, что мнѣ будетъ лучше?“ Это было сказано такимъ тономъ, что чувствовалось, что онъ знаетъ правду, но не говорить ее ради меня, также какъ я не говорилъ объ этомъ ради него. Однако я съ утра зналъ все и не оставлялъ его. Онъ умеръ безъ страданій, видимыхъ по крайней мѣрѣ. На другой день я сошелъ въ его комнату; мнѣ страшно было открыть его лицо; мнѣ казалось, что оно должно быть еще болѣе страдальческимъ, еще болѣе страшнымъ, чѣмъ во время его болѣзни, но ты не можешь себѣ представить, какое у него было прекрасное лицо и какое доброе, веселое, спокойное выраженіе.

Вчера его похоронили здѣсь. Былъ моментъ, когда я сильно подумывалъ перевезти его тѣло, но, обдумавъ это хорошенько, я измѣнилъ намѣреніе. Не слѣдуетъ растравлять раны. Мнѣ жаль, что ты получилъ это извѣстіе на охотѣ, въ то время, какъ ты развлекаешься, и что оно не потрясетъ тебя такъ, какъ меня. Я чувствую теперь то, что я слышалъ нерѣдко: какъ только лишишься человѣка, такого, какимъ онъ былъ для насъ, становится гораздо легче думать о смерти.

Твое письмо пришло въ то время, когда по немъ служили панихиду. Да, ты не будешь болѣе охотиться съ нимъ.

За два дня до смерти онъ читалъ мнѣ свои замѣтки объ охотѣ и говорилъ много о тебѣ. Онъ сказалъ, что Господь далъ тебѣ счастье, но что ты самъ мучаешь себя.

На другой день смерти я велѣлъ снять съ него портретъ и маску; въ портретѣ не схвачено его выраженіе, но маска вышла весьма удачною“.

По поводу смерти брата, произведшей на него потрясающее впечатлѣніе, Л. Н. записалъ въ дневникѣ:

„13 октября 1860 г. Скоро мѣсяцъ, какъ умеръ Николаенка. Это событіе какъ-то оторвало меня отъ жизни. Снова является вопросъ: зачѣмъ? Уже недалеко до отхода туда. Куда?.. Я стараюсь писать, дѣлаю усиліе, но дѣло не идетъ на ладъ, такъ какъ я не могу придать работѣ того значенія, которое необходимо для того, чтобы имѣть силу и терпѣніе работать. Во время похоронъ мнѣ пришла мысль написать матеріалистическое евангеліе. Матеріальную жизнь Христа“.

Мѣсяць спустя, по поводу другой смерти онъ писалъ:

„Тринадцатилѣтній мальчикъ умеръ отъ чахотки въ ужасныхъ страданіяхъ. За что? Единственное объясненіе даетъ вѣра въ будущую награду. Если нѣтъ будущей жизни, нѣтъ справедливости; и ея не нужно, да и самая потребность въ справедливости—предразсудокъ... Справедливость есть самая насущная потребность человѣка по отношенію къ другому человѣку. Человѣкъ старается установить подобное же отношеніе къ вселенной. Безъ будущей жизни нѣтъ справедливости. Цѣлесообразность и польза—единственный неизмѣнный законъ природы, скажутъ натуралисты. Ихъ нѣтъ въ любви къ поэзіи, въ лучшихъ проявленіяхъ человѣческой души. Все это существуетъ и часто исчезаетъ, не проявивъ себя ничѣмъ.“

Если польза есть единственный законъ природы, въ такомъ случаѣ природа переступила свою цѣль, давъ человѣку потребность въ поэзіи и любви“.

Двадцать семь лѣтъ спустя онъ писалъ: „Жизнь человѣка—есть стремленіе къ добру. Ему дано то, къ чему онъ стремится—жизнь, которая не можетъ кончиться смертью, и добро, которое не можетъ быть зломъ“.

По смерти брата Л. Н. провелъ всю зиму въ путешествіи по Германіи, гдѣ онъ осматривалъ учебныя заведенія и знакомился съ методами преподаванія. Въ апрѣлѣ онъ былъ въ Дрезденѣ, откуда писалъ Т. А.

„Я здоровъ и горю нетерпѣніемъ вернуться въ Россію. Но разъ я попалъ въ Европу и не знаю, когда удастся побывать тутъ еще, вы поймете, что мнѣ хотѣлось воспользоваться своимъ путешествіемъ, какъ слѣдуетъ.“

Кажется, это мнѣ удалось. Я получилъ такую массу впечатлѣній, сдѣлалъ столько знакомствъ, что придется еще долго поработать, прежде чѣмъ все это уляжется въ головѣ.

Я предполагаю пробыть въ Дрезденѣ до 10/22, а къ Пасхѣ, во всякомъ случаѣ, надѣюсь быть въ Ясной. Если къ 25-му навигація не откроется, я поѣду черезъ Варшаву въ Петербургъ, гдѣ мнѣ необходимо быть, чтобы получить разрѣшеніе на журналъ, который я предполагаю издавать при Ясно-Полянской школѣ.

Я везу съ собою нѣмца съ университетскимъ образованіемъ. Это будетъ учитель и управляющій. Онъ человѣкъ очаровательный и весьма образованный, но еще очень юный и мало практичный¹⁾.

23 апрѣля 1861 г., пробывъ за границей девять мѣсяцевъ, Л. Н. вернулся въ Россію, въ самый разгаръ того необычайнаго подъема, который охватилъ русское общество послѣ освобожденія крестьянъ.

¹⁾ Оригиналъ письма писалъ по-французски.

Идея
справедл.

„Что касается того, какъ я смотрю на возбужденіе, охватившее тогдашнее общество, сказалъ Толстой, отвѣчая на вопросъ своего друга, Бирюкова, „то я долженъ вамъ сказать (и это черта моего характера, хороша она или дурна, но она всегда была мнѣ присуща), я всегда невольно старался не поддаваться эпидемическимъ внѣшнимъ вліяніямъ, и если я въ то время самъ былъ возбужденъ и веселъ, то этому были особыя личныя причины, тѣ самыя, которыя побудили меня заняться школами и сблизиться съ народомъ.

Вообще, даже теперь, я нахожу въ себѣ то же чувство отвращенія къ тогдашнему общественному движенію, которое проявлялось впрочемъ въ очень робкой формѣ“.

Кипучая дѣятельность, которой предался Толстой по возвращеніи въ Россію, состоя мировымъ посредникомъ и дѣятельно занимаясь устройствомъ школъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ и въ Ясной Полянѣ, гдѣ онъ самъ велъ занятія при помощи нѣсколькихъ учителей, повліяла на его здоровье; весной 1862 г. онъ чувствовалъ себя больнымъ, боялся даже, что у него развивается чахотка; это побудило его отправиться въ маѣ мѣсяцѣ на кумысное леченіе въ Самарскую губернію, куда онъ поѣхалъ въ сопровожденіи своего слуги Алексѣя и двухъ своихъ учениковъ.

Приѣхавъ въ Самару, онъ писалъ Т. А. Ергольской 27 мая 1862 г.:

„Сегодня я уѣзжаю изъ Самары за сто тридцать верстъ отсюда, въ Каралыкъ Николаевскаго уѣзда. Мой адресъ: Самара. Югію Федоровичу Самарину для передачи Л. Н. Толстому.

Я совершилъ превосходное путешествіе; мѣстность тутъ мнѣ очень нравится. Я чувствую себя гораздо лучше, т. е. меньше кашляю. Алексѣй и дѣти живы и здоровы; можете передать это ихъ родителямъ. Пожалуйста, напишите, что съ Сережей, или попросите его написать мнѣ. Кланяюсь всѣмъ моимъ дорогимъ товарищамъ и прошу ихъ написать мнѣ, что дѣлается у нихъ. В. И. Ушковъ еще здоровъ и бодръ. Какъ только приѣду на мѣсто, напишу подробнѣе.

Цѣлую ваши ручки“.

Приѣхавъ на мѣсто, онъ писалъ:

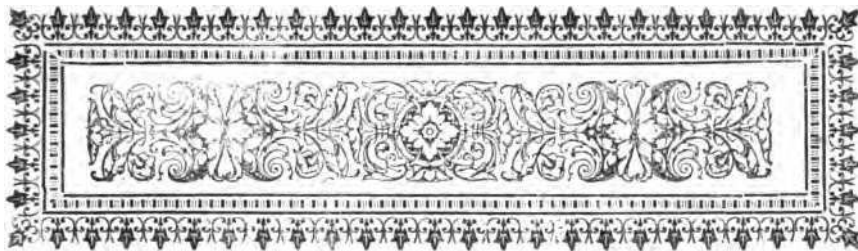
„28 іюня 1862 г.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я не имѣлъ извѣстій отъ васъ и изъ дома. Прошу васъ, напишите обо всѣхъ: 1, о родныхъ; 2, объ ученикахъ и т. д. Мы съ Алексѣемъ пополнѣли, онъ въ особенности; кашляемъ мало, онъ въ особенности. Живемъ въ кибиткѣ. Погода прекрасная. Я разыскалъ моего друга Столыпина, онъ командуетъ уральскими казаками. Я былъ у него и привезъ оттуда переписчика, но диктую и пишу мало. Когда пьешь кумысъ, овладѣваетъ лѣнь.

Я предполагаю уѣхать отсюда недѣли черезъ двѣ и надѣюсь быть дома въ Ильинъ день. Въ этой трущобѣ меня мучаетъ неизвѣстность, а равно мысль о томъ, что я страшно запоздаю съ изданіемъ моего журнала. Цѣлую ваши ручки. Прошу васъ, напишите мнѣ обстоятельно о Сережѣ, Машѣ и ученикахъ, коимъ я кланяюсь. Прилагаю письмо дѣтей къ ихъ родителямъ".

(Продолженіе слѣдуетъ).

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ.

Марина Мнишекъ, жена перваго самозванца, героиня многочисленныхъ повѣстей, романовъ и драматическихъ произведеній, извѣстная въ памяти русскаго народа подъ именемъ „Маринки безбожницы“, „еретицы“ и „колдунья“—составляетъ предметъ новаго изслѣдованія Александра Гиршберга, вышедшаго на польскомъ языкѣ, въ Львовѣ ¹⁾. Ея исторія конечно тѣсно связана съ жизнью самозванца, и въ этомъ отношеніи трудъ А. Гиршберга является какъ бы дополненіемъ изслѣдованія того же автора о Димитріи Самозванцѣ, съ которымъ читатели „Русской Старины“ уже знакомы ²⁾.

Материаломъ для исторіи девятнадцатилѣтней бурной, полной приключеній, карьеры Марины послужили автору, кромѣ печатныхъ русскихъ и польскихъ сочиненій, многочисленные польскія рукописи и письма, разбѣянные въ частныхъ архивахъ и библіотекахъ.

Первое мѣсто среди этихъ источниковъ принадлежитъ дневнику Яна-Петра Сапѣги (1611—1659), извѣстнаго своимъ участіемъ въ смутахъ эпохи самозванцевъ, который поддерживалъ Тушинскаго вора, велъ осаду Троицкаго монастыря, переходилъ то отъ Тушинскаго вора къ королю, то обратно. Этотъ дневникъ вели секретари Сапѣги, записывая въ него изо дня въ день не только все, что происходило въ его обозѣ, но и всѣ вѣсти, доходившія до него съ разныхъ сторонъ. До послѣдняго времени дневникъ былъ извѣстенъ въ самомъ сокращенномъ видѣ,—лучше сказать, въ крайне произвольной перелѣлкѣ, а не въ извлеченіи.

¹⁾ Aleksander Hirschberg. Maryna Mnischówna we Lwowie, 1906.

²⁾ Подробное извлеченіе изъ этого труда помѣщено въ „Русской Старинѣ“
6 . . . янв.—іюль.

Другимъ важнымъ источникомъ служилъ автору дневникъ Вацлава Діаментовскаго, изъ котораго обширныя отрывки были обнаружены Тургеневымъ; но тѣ мѣста дневника, которыя до послѣдняго времени лежали подъ спудомъ, заключаютъ еще много любопытныхъ подробностей о пребываніи семейства Мнишекъ въ Ярославлѣ, когда сендомірскій воевода не только состоялъ въ тайной перепискѣ съ врагами Василя Шуйскаго, но посылалъ пространныя меморіи и Сигизмунду, который совѣтовалъ ему помочь второму самозванцу.

Гиршбергъ воспользовался наконецъ еще однимъ весьма важнымъ и до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ источникомъ, который ему посчастливилось найти въ собраніи рукописей графовъ Браге, хранящихся въ ихъ архивѣ въ Стокгольмѣ. Это дневникъ московскаго посольства, отправленнаго въ исходѣ 1611 г. въ Варшаву.

Пользуясь этими матеріалами, которые бросаютъ на событія смутнаго времени новый свѣтъ, Гиршбергъ рисуетъ біографію Марины Мнишекъ на фонѣ историческихъ событій, выясняетъ между прочимъ тѣсную связь, существовавшую между замыслами самозванцевъ и дѣйствіями недовольныхъ поляковъ, изображаетъ въ правдивомъ свѣтѣ происки Льва и Яна-Петра Сапѣги и ту роль, которую они играли въ событіяхъ того времени, и наконецъ старается выяснитъ истинную причину, заставившую Владислава отказаться отъ кандидатуры на московскій престолъ.

Развѣнчивая легенду о красотѣ Марины, Гиршбергъ не соглашается и съ тѣмъ, что безгранично честолюбивая и жаждавшая власти дочь сендомірскаго воеводы была игрушкою судьбы и жертвою алчности и тщеславія своего отца, какою ее изображаютъ историки, и говоритъ, что она была скорѣе жертвою своего собственнаго ненасытнаго честолюбія и безграничной жажды власти, ради чего она, воспитанная въ строгихъ правилахъ католицизма, не задумалась перемѣнить вѣру и готова была заплатить всѣмъ, даже своей честью, признавъ Тушинскаго вора, несмотря на его отталявающую грубость, а потомъ перешла къ дикарю Заруцкому.

Этой основной чертой характера Марины, которая руководила всѣми ея поступками, легко объясняется ея рѣшимость: соединить свою судьбу съ судьбою самозванца: эти два умныя, безгранично честолюбивыя существа, встрѣтясь, сразу поняли другъ друга и рѣшили идти рука объ руку.

Въ виду несомнѣннаго интереса, который представляетъ изложеніе событій смутнаго времени въ томъ освѣщеніи, какое даетъ имъ А. Гиршбергъ, мы познакомимъ съ ними читателей въ возможно полномъ извлеченіи.

I.

Дѣтскія впечатлѣнія Марины Мнишекъ.—Тогдашнее положеніе Московскаго государства.—Димитрій Самозванецъ.—Была ли Марина красива собою.—Какія побужденія руководили Мариной и ея отцомъ отдать ея руку Самозванцу?—Успѣхи Димитрія.—Обрученіе Марины въ Краковѣ и ея бракосочетаніе въ Москвѣ.—Бунтъ 27 (17)-го мая 1606 г.

Марина Мнишекъ, четвертая дочь сендомірскаго воеводы Юрія Мнишека, родилась въ роскошномъ отцовскомъ замкѣ, въ Самборѣ, у подножія Карпатъ, въ 1588 или 1589 году; точный годъ ея рожденія неизвѣстенъ. О томъ, какъ протекали первые годы ея жизни, чему и какъ она училась, также не сохранилось свѣдѣній. Извѣстно только, что она умѣла читать и писать и по всей вѣроятности обучалась начаткамъ католической вѣры. Наставниками ея были конечно бернардинскіе монахи, которые издавна проживали въ Самборѣ, состояли въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Мнишекъ и пользовались вполнѣ довѣріемъ Марины; несомнѣнно, что она часто слышала въ дѣтствѣ рассказы о знатности своего рода и о доблестныхъ подвигахъ предковъ пана воеводы, которые оказали въ былое время не мало услугъ нѣмецкимъ императорамъ. Эти рассказы, а также блестящая партія, сдѣланная ея старшей сестрою, Урсулой, которая была обвѣнчана въ 1603 г. въ Самборѣ съ Константиномъ Вишневецкимъ, должны были произвести сильное впечатлѣніе на молодую дѣвушку и пробудить въ ея душѣ честолюбивыя мечты.

Въ то время, какъ Марина подростала въ Самборѣ, въ сосѣднемъ Московскомъ государствѣ готовились важныя событія.

По смерти Ѳедора Іоанновича, послѣдняго Мономаха, вступилъ на престолъ Борисъ Годуновъ. У него, какъ извѣстно, было много завистниковъ, которые были не прочь погубить его. Эти люди рѣшили воспользоваться исконной любовью народа къ угасшей династіи, распустили слухъ, будто истинный наслѣдникъ престола, царевичъ Димитрій, спасся отъ руки убійцы, подосланнаго Годуновымъ, и благодаря ихъ стараніямъ имъ удалось найти человѣка, который взялся разыграть роль убитаго царевича.

Этотъ таинственный юноша появился впервые въ Кіевѣ въ 1601 г.; жилъ сначала подъ видомъ чернеца въ Печерской Лаврѣ, затѣмъ у кіевскаго воеводы князя Острожскаго и послѣ разныхъ скитаній появился въ 1602 г. въ домѣ князя Адама Вишневецкаго, гдѣ въ слѣдующемъ году онъ выступилъ уже открыто претендентомъ на московскій престолъ ¹⁾.

¹⁾ Главныя событія изъ жизни перваго самозванца съ момента его появленія на исторической сценѣ и до его кончины, равно какъ и связанный съ